

Н. Д. АРУТЮНОВА

ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ВОПРОСЫ НЕСОБСТВЕННОЙ
ДЕРИВАЦИИ

(На материале испанского языка)

При описании словообразования нередко отмечается такая его разновидность, как обратная деривация (*derivación inversa* o *retrógrada*). Этот прием, согласно тем определениям, которые ему даются, состоит в «извлечении» производящей основы из производного слова. Иначе говоря, процесс словообразования как бы инвертируется, протекает в обратном направлении: от второго члена модели к первому. Ср. *legislador* > *legislar*, при нормальной последовательности — *hablar* > *hablador*.

Лингвистическая проблема обратного словообразования имеет разные аспекты. При изучении функционирования системы языка во времени, а также в плане исторической лексикологии регрессивная деривация интересна с точки зрения реальной последовательности возникновения в языке слов. Иначе обстоит дело при анализе тех морфологических и семантических связей, которые складываются между словами в пределах синхронного среза языка. Изучая статические словообразовательные отношения, мы не должны расценивать слова, возникшие в результате обратной деривации, как произведенные от тех слов, из состава которых они были выделены. Так, *legislar* не может рассматриваться как вторичное по отношению к *legislador*, *humilde* — к *humildad*, *perniquebrar* — к *perniquebrado*, *burro* — к *borrico*. Во многих лингвистических работах, однако, излагается именно такой взгляд. Подобная точка зрения, очевидно, основывается на неразличении фактов системы языка и явлений, характеризующих ее функционирование во времени. В современном языке аффиксальное слово (при наличии простого) воспринимается как вторичное, а не первичное образование, независимо от того, было ли оно исходным пунктом или результатом деривации¹. Оно структурно отождествляется со вторым, а не первым членом модели. Этим определяется и семантическая иерархия, существующая между единицами лексического состава языка. Слова, не содержащие аффиксов, обычно мотивируют значение аффиксальных производных от той же основы. Мы понимаем существительное *humildad* «смирение, покорность», установив его вторичность к морфологически неприводному и семантически более простому *humilde* «смиренный, покорный», хотя последнее было выделено из состава существительного путем обратной деривации. Из сказанного вытекает, что нет оснований для выделения регрессивной деривации в особый словообразовательный тип наряду с аффиксацией, словосложением и пр., как это имеет место в описательных грамматиках испанского языка, а также в специальных работах по словообразованию².

¹ Подробнее см. А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, §§ 71—74.

² См.: «Gramática de la lengua española», Madrid, Real Academia española, 1931; J. Alemany Bolufer, Tratado de la formación de palabras, Madrid, 1920, стр. 151.

Изучая протекание словообразовательного процесса во времени, необходимо констатировать, что существующие в языке модели могут служить базой для словообразования в двух направлениях: от первого члена модели ко второму и, наоборот, от второго члена к первому. Процесс деривации, взятый в его временной протяженности, оказывается обратимым. То обстоятельство, что реально гораздо более часты случаи, когда словообразование развивается от морфологически более простого слова к более сложному, не меняет существа дела. Оно свидетельствует лишь о том, что в языке почти не бывает составных образований, не соотносимых с простыми словами, что вполне естественно. Структура словообразовательной модели в синхронном плане может быть передана формулой $A \leftrightarrow B$, в которой обратимость словообразовательного процесса выражена двусторонней стрелкой, а семантическая и морфологическая зависимость одного слова от другого представлена фиксированным порядком расположения компонентов (слово, отождествляемое со вторым членом, всегда является вторичным, производным). Возможность прямого и инвертированного функционирования модели не равнозначна ее распаду на две более простые конструкции: $A \rightarrow B$ и $B \rightarrow A$. Однако в некоторых случаях инверсия членов модели вызывает расщепление первоначального единства, его разложение на две независимые друг от друга схемы деривации. Это доказывает, что обратимость словообразовательного процесса, не будучи существенной чертой модели с точки зрения статических словарных отношений, может стать весьма важным фактором развития системы языка. Попытаемся подкрепить это положение конкретным материалом.

Испанский язык унаследовал от латыни модель, по которой образуются глаголы от именных основ без помощи специальных суффиксов. Ср. *el almacén* > *almacenar*, *la araña* > *arañar*. Изменение последовательности словообразовательного процесса по модели «имя → глагол» привело к созданию имен существительных путем выделения глагольной основы. Ср. *suspirar* > *el suspiro*, *sospechar* > *la sospecha*, *mermar* > *la merma*. В этом случае в языке имелось достаточно словарного материала, отождествляемого со вторым членом модели (т. е. глаголом), поскольку несобственная деривация производит слова с морфологически простыми основами. Итак, конструкция «имя → глагол» инвертировалась и стала весьма продуктивно действовать в направлении от глагола к имени. (Об отглагольных именах этого типа см. J. Malkiel, *Fuentes indígenas y exóticas de los sustantivos y adjetivos verbales en -e*, «Revue de linguistique romane», t. XXIII, № 89—90, 1959.)

Однако постепенно наметились существенные морфологические и фонетические расхождения между прямым и обратным действием словообразовательной модели. Как известно, испанские имена с исходом на *-o* и *-e* — мужского рода, а существительные, оканчивающиеся на *-a*, — женского рода. В лексическом запасе испанского языка имеется, впрочем, немало отступлений от этой нормы. Так, звук *-e* оформляет большое количество имен женского рода (ср. *la sangre*, *la calle*, *la clase*, *la corte*). Эти существительные могут служить основой для образования глаголов (ср. *la sangre* → *sangrar*). Напротив, если мы рассмотрим структуру производного имени при инвертированном действии модели, то заметим, что звук *-e* закрепляется только за существительными мужского рода (ср. *avanzar* > *el avance*, *arrancar* > *el arranque*, *tocar* > *el toque*).

Расхождение прямой и инвертированной деривации коснулось также фонетического облика имени, в частности места ударения. В испанском языке возможно создание отыменных глаголов независимо от того, на какой слог падает ударение в производящем слове (ср. *la lámina* > *laminar*, *la c6pula* > *copular(se)*, *la página* > *paginar*). При инверсии словообразования отглагольное имя не имеет колебаний в оформляющем его ударении: оно всегда падает на предпоследний слог. Сдвиг ударения наблюдается

только в тех случаях, когда глагол и производное от него имя—оба заимствованы из латыни. Ср. такие испанские пары, как *calcular* > *el cálculo*, *computar* > *el cómputo*. В заимствовании латинских слов наблюдается определенная закономерность: имена сохраняют латинское ударение, связанное с долготой и краткостью гласных, — глаголы всегда подчиняются правилам испанской акцентуации, единой для всех спряжений. Отсюда и возможность различного ударения у имен и глаголов, взятых испанским языком из латыни.

Отмеченные фонетические и морфологические расхождения между прямым и обратным действием анализируемой модели имеют следующую общую причину. Модель «имя → глагол» (как и всякая словообразовательная конструкция) фиксирует прежде всего формальную характеристику производного слова, приводя ее в соответствие с продуктивной морфонологической системой, управляющей современным языком. Это обуславливает принадлежность отыменного глагола к первому спряжению. Однако многие формальные черты производящего имени — его ударение, конечный звук, родовая принадлежность — остаются безразличными для функционирования данной модели и не входят в ее структуру. Эти признаки имени могут не находиться в соответствии с действующей языковой системой. Форма имени нередко имеет нормативный, закрепленный традицией характер. При инверсии словообразовательного процесса модель «глагол → имя», естественно, начинает включать как необходимые признаки всю морфонологическую структуру производного имени (его звуковой исход, родовую принадлежность, ударение), в свою очередь подводя их под действующие в языке отношения и не допуская никаких отклонений от продуктивной системы.

Попытаемся проследить далее дифференциацию прямого и обратного действия словообразовательной модели. При создании отыменных глаголов конечная гласная существительного (если она имеется) отпадает. Это соответствует общей норме испанского словообразования: производящие основы имен не включают конечного гласного, если на него не падает ударение.

Ср. <i>aduanar</i>	—→ <i>aduanero</i>	<i>pelo</i>	—→ <i>peludo</i>	<i>sangre</i>	—→ <i>sangriento</i>
	—→ <i>aduanar</i>		—→ <i>pelar</i>		—→ <i>sangrar</i>

При образовании отглагольных имен (т. е. когда вступает в действие регрессивная деривация) основа глагола должна была получать в исходе определенный гласный, который бы придал ей фонетическую завершенность, поскольку лишь немногие согласные (*n*, *d*, *s*, *l*, *r*, *z*) и далеко не во всех комбинациях с предшествующими звуками встречаются в конце испанского слова. Последнее может оканчиваться на *-o*, *-e*, *-a* (так называемые сильные гласные). Слабые гласные *-i*, *-u* встречаются в этом положении лишь sporadически в заимствованных словах и латинизмах, обычно под ударением (ср. *grisú*, *berbiquí*, *jabalí*, *espíritu*, *alfaquí*). При образовании отглагольных имен наметились некоторые фоно-морфологические тенденции, определяющие выбор конечного звука. Так, возможность согласного исхода практически была отброшена. Образование типа *perdonar* > *el perdón*, *disfrazar* > *el disfraz* единичны. Это уже само по себе заметно отличает прямую деривацию от обратной, поскольку отыменные глаголы свободно образуются от существительных, оканчивающихся на согласный звук. Ср. *acción* > *accionar*, *azúcar* > *asucarar*. Основы глаголов, содержащие суффикс *-e-*, притягивают к себе гласный *-o*. Ср. *pasear* > *el paseo*, *manotear* > *el manoteo*, *patear* > *el pateo* (образования типа *pelear* > *la pelea* чрезвычайно редки). В этом последнем случае выбор конечного звука в современном языке обязателен.

Вполне понятно, что наличие некоторых норм выбора конечного звука обратно пропорционально его способности быть показателем смысловых различий. Однако эти нормы, как мы видели, не настолько императивны, чтобы не оставить места для параллельного функционирования всех трех гласных.

В испанском языке есть немало производных, которые оформлены разными гласными и в соответствии с этим семантически обособлены друг от друга. Ср. *embarcar* «погружать на корабль» — *el embarque* «погрузка товаров» — *el embarco* «посадка пассажиров»³, *pesar* «весить» — *el peso* «вес» — *la pesa* «гиря». Иногда наличие синонимичных словообразовательных формул используется при создании производных от многозначных глаголов. Ср. *cargar* «грузить», «обременять», возлагать ответственность, поручать» — *la carga* «груз» — *el cargo* «пост, должность», *gozar* «наслаждаться, пользоваться» — *el gozo* «наслаждени», «удовольствие» — *el goce* «пользование». Окончание производного имени выступает в качестве дискриминативного признака и тогда, когда производящий глагол сам является вторичным по отношению к другому существительному. Ср. *la lanza* «копье» — *lanzar* «метать копье, бросать» — *el lance* «бросок», *el paso* «шаг» — *pasar* «проходить, передавать» — *el pase* «передача, пропуск».

Приведенные примеры показывают, что хотя в словообразовании этого типа и возможно использование разного гласного исхода для выражения смысловых различий, ни один из трех элементов не обладает специфической, одному ему свойственной деривативной функцией. Гласные -o, -e, -a могут указывать на любые семантические расхождения в пределах общего значения действия и результата действия по соответствующим глаголам. При этом смысловой объем каждого существительного фиксируется языковой нормой, а не определяется его словообразовательной структурой.

Использование конечного звука в целях семантической дискриминации отглагольных имен находится в соответствии с общей закономерностью испанского словообразования. Действительно, в лексическом запасе испанского языка имеется большое количество существительных, отличающихся друг от друга смысловыми нюансами и оформленных в исходе разными гласными. Ср. следующие лексически разнзначные пары основных имен: *la barca* «лодка» — *el barco* «корабль, пароход», *el gorro* «круглая шапка» — *la gorra* «шапка с козырьком, кеши».

Итак, мы подошли еще к одному различию между прямым и обратным действием первоначально единой модели. Конструкция «имя → глагол» при своей инверсии расщепляется, вводя в язык три синонимичные между собой формулы. Это могло произойти, в частности, потому, что конечный звук производящего существительного в модели «имя → глагол» безразличен для ее структуры и не ведет к ее распаду на варианты (ср. *acción* > *accionar*, *archivo* > *archivar*, *aduanas* > *aduanar*, *albergue* > *albergar*). При обратном словообразовании конечный гласный начинает выполнять смылоразличительную функцию. Этот признак становится поэтому существенным, расщепляя модель на три варианта.

В то же время при создании отыменных глаголов в испанском языке отсутствует выбор грамматического оформителя основы. Происходит лишь образование глаголов первого спряжения. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, поскольку в словарном составе испанского языка имеются случаи, когда смысловая дискриминация глаголов выражается именно при помощи различий в спряжении (ср. *fundir* «плавить» — *fundar* «основывать», *consumir* «потреблять, поглощать» — *consumar* «осуществлять»). Однако подобный способ семантического противопоставления носит случайный характер, не распространяется на одноосновные

³ Любопытно, что антонимичный глагол *desembarcar* «выгружать, высаживать(ся) с корабля» дает лишь одно производное *el desembarco* «выгрузка, высадка».

глаголы и не активизируется в словообразовании. Это объясняется тем, что в современном испанском языке вербальные парадигмы не связаны ни со смысловыми, ни с формальными особенностями групп глаголов. Они не выражают никакой лингвистической оппозиции и стали чисто нормативной, традиционной чертой испанской морфологии.

Изложенные факты дают повод для некоторых семантических наблюдений. При образовании отыменных глаголов путем несобственного словопроизводства их внутренняя семантическая дифференциация не выражается языковыми средствами, поскольку имеется лишь одна действующая модель. Напротив, при создании отглагольных существительных нередко происходит сужение их семантического объема по сравнению с производящим глаголом. Общее значение имени действия и результата (или объекта) действия распределяется между несколькими производными. Ср.

pagar	—el pago	costar	—→ el costo
	—la paga		—→ el coste
			—→ la costa

Следовательно, отпадение конечного гласного, а также наличие лишь одной продуктивной парадигмы спряжения увеличивает полисемию отыменных глаголов, а иногда даже ведет к созданию омонимов. Например, от существительного *el lacre* «сургуч» возникает глагол *lacrar* «запечатывать сургучом». Омонимичный глагол образуется и от другого имени: *la lacra* «язва» — *lacrar* «портить, вредить здоровью». Так протягиваются нити, соединяющие формальную (грамматическую и фонетическую) систему языка и семантическую структуру слова.

Вернемся к анализируемой словообразовательной конструкции. Разница между прямым и инвертированным действием модели не ограничивается ее расщеплением на три варианта. Она гораздо глубже и затрагивает само качество, само существо словообразовательного процесса. Выше говорилось, что при производстве отыменных глаголов основным словообразующим средством является парадигма. Иначе обстоит дело при создании отглагольных имен. Здесь, кроме флексии множественного числа -s, словообразующую функцию выполняют гласные -o, -e, -a, которые присоединяются к основе глагола, чтобы создать производное имя. Эти элементы никак не могут рассматриваться как парадигматические. Какова же их природа? Некоторые лингвисты называют -o, -e, -a показателями существительного (noun-markers), противопоставляя их показателям глагольности -ar, -er, -ir (verb-markers)⁴. Между этими категориями имеется, однако, принципиальное различие, на которое нельзя не обратить внимания. Конечная гласная существительного не является флексией. В то же время для глагола окончание инфинитива — лишь частный случай в системе парадигматических форм, которые могут служить знаками вербальности. Кроме того, конечные гласные -o, -e, -a не являются исключительным достоянием имен существительных. Они не реже встречаются в исходе любого испанского слова, а также являются составной частью глагольного спряжения.

Следовательно, так называемые сильные гласные являются признаком фонетической завершенности испанского слова. Их присутствие императивно в тех случаях, когда предшествующие им согласные или группы согласных не могут стоять в конце слова. Роль этих звуков прежде всего фонетическая. Нельзя не видеть, однако, что в существительных и прилагательных конечные звуки выполняют также и морфологическую функцию, указывая на родовую принадлежность имени. Например, они образуют коррелирующие между собой по значению названия лиц мужского и женского пола (ср. *el niño* — *la niña*, *el hijo* — *la hija*, *el hermano* — *la hermana*, *el tío* — *la tía*).

⁴ См. S. Murphy, A description of noun suffixes in colloquial Spanish, сб. «Descriptive studies in Spanish grammar», Urbana, 1954, стр. 19—24.

Итак, внутри существительного роль конечного гласного двояка: он придает имени фонетическую самостоятельность и одновременно указывает на его родовую характеристику. Обе функции ясно обнаруживаются при производстве deverбальных имен. В связи с этим возникает весьма важный для понимания данного типа словообразования вопрос: сопряжены ли смысловая дифференциация производных имен с их родовой принадлежностью, как это, очевидно, происходит, например, в парах *el hijo — la hija, el hermano — la hermana*? По-видимому, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Отглагольные имена типа *el destierro — el destierre, el gozo — el goce, el trato — la trata* имеют значение действия и результата действия. Для существительных подобной семантики родовая принадлежность является чисто грамматической категорией и не перекликается ни с какими лексическими нюансами. Кроме того, параллельные производные от основы одного глагола не обязательно различаются по роду (*el resalto — el resalte, el embarco — el embarque, el desteto — el destete*). Родовая оппозиция (*el grito — la grita, el cargo — la carga*) не связана с регулярным смысловым расхождением. Она выражает любое семантическое различие, возможное у *nomina actionis*.

Мы можем заключить, следовательно, что родовые значения, сопряженные с конечными гласными имен, играют второстепенную роль в структуре данного типа деривации. Элементы *-o, -e, -a* вступают в словообразование преимущественно как показатели звуковой самостоятельности слова⁵. Будучи разными фонемами, они получают способность выражать семантические колебания среди производных слов. Это отличает словопроизводство данного типа от модели *el hermano — la hermana*, где словообразующую роль выполняет показатель родовой принадлежности существительного. Только у производных типа *palmatear — palmateo, vocear — voceo, tantear — tanteo* функция конечного звука оказывается более усложненной. В исходе этих слов *-o* не столько придает им звуковую самостоятельность, сколько указывает на морфемный характер предшествующего ему *-e-*, суффикса, выражающего фреквентативность. Отсутствие дополнительного гласного поставило бы *-e-* в конце имени, сделало бы его безударным и этим нейтрализовало бы его роль как вербального суффикса, превратив в реквизит производного существительного. Чистая основа глагола *pase-ar (pase-)* совпала бы, например, с производным от глагола *pasar (el pase)*.

Инверсия модели затронула само существо словообразовательного процесса: при создании отыменных глаголов словообразующим средством является вербальная парадигма, при создании отглагольных имен деривативное значение приобретают фонетические элементы, придающие самостоятельность испанскому слову.

Мы весьма подробно остановились на формальных чертах, дифференцирующих две модели несобственной деривации. Теперь следует рассмотреть их смысловое содержание, поскольку именно в этой области обнаруживаются наиболее веские доводы, свидетельствующие о расщеплении первоначально единой конструкции. Образование именных глаголов, с одной стороны, и отглагольных имен — с другой, обладает каждое своими индивидуальными закономерностями. Смысловые соотношения между членами модели «имя → глагол» весьма разнообразны и с трудом поддаются учету и классификации. Большей частью существительное, служащее производящей основой, имеет конкретно-предметное значение, а образуемый глагол выражает действие, так или иначе связанное с этим предметом. Наиболее распространенными являются местные и орудий-

⁵ Упомянутое положение подтверждается и случаями, в которых образование отглагольного имени не сопровождается присоединением гласного звука. Это может произойти лишь тогда, когда основа глагола соответствует звуковой структуре испанского слова. Ср. *deslizar > el desliz, pregonar > el pregón, perdonar > el perdón, sostener > el sostén, disfraczar > el disfracz*.

ные отношения. Ср. *el aceite* «оливковое масло» — *aceitar* «поливать маслом», *la aduana* «таможня» — *aduanar* «производить таможенный осмотр», *el arma* «оружие» — *armar* «вооружать», *el remo* «весло» — *remar* «гребти». Производящее имя иногда является именем деятеля. Ср. *el guía* «гид, поводырь» — *guiar* «вести, руководить», *el mendigo* «нищий» — *mendigar* «нищенствовать».

При образовании отглагольных имен последние редко получают конкретно-предметные значения, выражая обычно действие и результат (или объект) действия по производящему глаголу. Ср. *cazar* «охотиться» — *la caza* «охота, дичь», *derrochar* «расточать, проматывать» — *el derroche* «расточительность», *cerrar* «закрывать» — *el cierre* «заккрытие», *alzar* «повышать» — *el alza* «повышение».

О наличии резкой семантической дифференциации двух моделей свидетельствует следующий факт: имеются случаи, когда глагол, образованный от существительного конкретного значения, дает языку новое производное, отличное по своей семантике и гласному оформлению от первичного имени. Ср. *la baraja* «колода карт» → *barajar* «тасовать карты» → *el baraje* «перетасовка карт», *la rueda* «колесо» → *rodar* «кружить, вращать» → *el ruedo* «вращение, оборот». Мы видим, что исходное существительное обозначает предмет, производный от него глагол выражает действие, связанное с данным предметом, а девербальное имя является *nomen actionis*. Семантические отношения между глаголом и обоими существительными совершенно различны.

Изложенные соображения позволяют сделать следующий вывод. В испанском языке инверсия словообразовательного процесса по модели «имя → глагол» привела к ее разложению на две обособившиеся, семантически индивидуальные конструкции. Из этого, однако, не следует, что в пределах новых моделей перестала быть возможной обратная деривация и каждая из них стала действовать только в одном направлении. Напротив, вновь возникшие конструкции не отличаются в этом плане от любой другой модели словообразования. В них также происходит инверсия, доказательством чему служит, например, существительное *la sonda* «бур, зонд», выделенное из глагола *sondar* «бурить, зондировать». Полученное имя означает орудие действия по глаголу *sondar*. Такого рода семантическое соотношение характеризует в испанском языке модель «имя → глагол», под которую и подводится пара *la sonda* → *sondar*. Приведем пример обратной деривации по модели «глагол → имя». Существительное *el ultraje* «оскорбление» является галлицизмом (ср. ст.-франц. *oltrage* и совр. франц. *outrage*). В испанском языке от него был создан глагол *ultrajar* «оскорблять». Смысловые отношения между глаголом *ultrajar* и существительным *ultraje* должны быть подведены под модель «глагол → имя», поскольку *ultraje* является по своему значению *nomen actionis*.

Любопытно заметить, что создание глаголов способом несобственной деривации возможно не только от основ существительных, но также прилагательных и наречий. Ср. *alegre* > *alegrar*, *contento* > *contentar*, *atrás* > *atrasar*, *sobre* > *sobrar*. Наблюдаются случаи и обратного действия этой модели. Ср. *amargar* > *amargo*, *cansar* > *canso*, *colmar* > *colmo*, *descalzar* > *descalzo*. Однако на этот раз инверсия словообразовательного процесса не имела своим результатом выделение новой схемы несобственной деривации. Прямое и регрессивное действия модели не отличаются друг от друга ни в морфологическом, ни (что особенно важно) в семантическом отношении. Так, *agrio* «кислый» дает *agriar* «делать кислым», но *amargo* «горький» извлечено из глагола *amargar* «делать горьким»; *lleno* «полный» производит *llenar* «наполнять», но *colmo* «переполненный» создано путем обратной деривации от *colmar* «переполнять». Образование прилагательных путем выделения глагольной основы остается в пределах модели «прилагательное → глагол» и может расцениваться как регрессивное действие данной конструкции: *colmo* < *colmar*, *amargo* < *amargar*.

*

Несобственная деривация создает слова без участия специальных словообразующих морфем. Основы новых слов не содержат поэтому аффиксов. Отсутствие морфологически выраженной производности не ведет, однако, к нейтрализации категории «первичности-производности»⁶. У пар слов, соотношение которых определяется несобственной деривацией, в принципе одно из них выступает как производящее, а другое — как вторичное образование. Проблема производности решается в этом случае с учетом общих семантических тенденций, управляющих словообразованием данного языка⁷. Так, обычно все имена действия являются вторичными по отношению к глаголам, выражающим соответствующее действие, имена качества воспринимаются как производные от прилагательных, означающих данное качество, и т. д. Разумеется, не всегда связи между словами столь очевидны. Нередко последующее семантическое развитие нарушает сложившиеся отношения, заменяя их новыми, как бы инвертируя.

Проблема «первичности-производности» осложняется еще и тем, что существительное в результате изменений в своей смысловой структуре, нередко под влиянием соотносимого с ним глагола, может совмещать значения, одни из которых являются первичными, а другие следовало бы рассматривать как производные. Иначе говоря, противоречивость отношений между подобными парами слов обусловливается тем, что по своей структуре они соответствуют одновременно двум моделям несобственной деривации, каждая из которых характеризуется особым рода смысловой зависимостью производного от производящей основы. Так, глагол *azotar* «стегать, пороть» является производным от *el azote* (араб. *azaut*) «плеть, кнут, розга». Семантическое отношение *el azote* > *azotar* вполне соответствует содержанию модели «имя → глагол», в которой существительное часто означает орудие действия, выражаемого глаголом. Ср. *el látigo* «кнут, бич» → *latigar* «бичевать, стегать кнутом». Однако *el azote* имеет и другое значение — «порка, избиение». Это более общее значение при существе *nomina actionis* и могло бы рассматриваться как производное от глагола *azotar*. Следовательно, *el azote* выступает и как производящая база и как существительное, произведенное от глагола *azotar*.

Нередко историческая последовательность возникновения в языке слов приводит в противоречие со смысловыми отношениями, складывающимися в синхронной системе языка. При отсутствии морфологически выраженной производности одного слова и первичности другого такого рода инверсия приводит к переосмыслению структуры слова, которое как бы переходит из одной словообразовательной орбиты в другую. Но даже в пределах несобственной деривации возможны случаи, когда морфологическая структура слов не позволяет переоценить их словообразовательные отношения. В процессе заимствования из латыни испанский язык вводил в свой состав имена действия, нередко оставляя за бортом соответствующие им глаголы, особенно если последние имели неправильную парадигму. В дальнейшем, уже на почве испанской речи, от заимствованных существительных образовались глаголы первого спряжения.

⁶ Не следует думать, что в словообразовании вообще невозможна нейтрализация категории «первичности-производности». Так, например, порядок расположения членов модели безразличен в словообразовании, основанном на дифференциации конечного гласного (ср. *la canasta* — *el canasto*, *la gorra* — *el gorro*). Ни одно из этих слов не может рассматриваться как производное. Оба существительных являются равноправными членами семантически взаимодействующих пар, хотя реально одно из них возникло раньше и послужило базой для создания своего сочлена.

⁷ См. А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, § 84. Ср. также П. А. Соболева, Критерии внутренней (или семантической) производности при словообразовательных отношениях по конверсии, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», т. СХХVI. Факт иностр. языков, вып. 2, 1958; е е же, Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии, ВЯ, 1959, № 2.

Закономерностью испанского языка является создание имен действия от основ глаголов. Пары типа *acci6n* > *accionar* нарушают логическую последовательность испанского словообразования, поскольку у них имя действия является производящей базой для соответствующего глагола. Структура именной основы не позволяет считать глагол первичным, а имя производным образованием. Основы существительных *acci6n*, *presencia* и др. содержат суффиксы имен действия *-(c)i6n* и *-encia*, четко выделяемые в слове.

С семантической точки зрения отыменные глаголы, такие, как *accionar*, *perfeccionar*, *seleccionar*, *funcionar*, замещают в испанском языке не проникшие в него *agĕre*, *perficĕre*, *seligĕre*, *fungi*. Напротив, по своей морфологии испанские глаголы имеют ярко выраженный производный характер.

Семантическую близость первичного и отыменного глаголов легко проследить в тех случаях, когда в языке одновременно употребляется как корневой, так и производный глагол от одной основы (ср. *influir* > *influencia* > *influenciar*). *Influir* и *influenciar* — оба означают «влиять, оказывать влияние» и находятся, следовательно, в одинаковом смысловом отношении к существительному *la influencia* «влияние», хотя словообразовательные связи с именем у них совершенно различны. Разумеется, есть случаи, когда первичный и производный глаголы обладают разными значениями (ср. *imprimir* «печатать», *impresi6n* «отпечаток, впечатление», *impresionar* «производить впечатление»). Однако это не исключает возможности семантического совпадения первичного и отыменного глаголов.

Противоречивость создавшихся отношений особенно хорошо заметна при сопоставлении таких пар, как *infringir* > *infracci6n* и *fracci6n* > *fraccionar*; *elegir* > *elecci6n* и *coleccion* > *coleccionar*.

Три пары полностью передают латинскую корреляцию «глагол → имя действия». Напротив, существительные *fracci6n*, *coleccion*, содержащие те же основы, что *infracci6n*, *elecci6n*, были заимствованы без смежных с ними глаголов. Последние образовались уже в испанском языке от основ существительных и получили вторичный, производный характер. Семантические связи у всех шести пар полностью совпадают, а их словообразовательные отношения оказываются диаметрально противоположными. Причиной такого положения явилась тенденция языка к морфологическому выравниванию глагольной парадигмы, нарушившая привычные закономерности словообразования. Следует обратить внимание на то, что в языке наблюдается стремление восстановить равновесие между словообразовательными и смысловыми отношениями, подчинив приведенные выше пары общей норме испанской деривации. Этому способствует дальнейшее развитие словообразовательного ряда, направленное на преодоление возникшей коллизии. Оно сопровождается перераспределением значений между словами, входящими в общую серию. За именем, служащим исходным пунктом словообразовательного ряда, закрепляется более конкретное значение (бывшее значение результата или объекта действия), а имя действия создается заново от отыменного глагола. Так, существительное *fracci6n* удерживает значение «доля, фракция, дробь» и практически утрачивает способность выражать процесс. Это последнее значение переходит к отглагольному имени *fraccionamiento*, включающему суффикс *-miento*. Любопытно заметить, что значение действия полностью сохраняется у существительных *infracci6n*, *elecci6n* и т. п.

Приведенные факты показывают, что область несобственной деривации дает весьма обильный и любопытный материал для наблюдений над взаимодействием разных частей системы языка — его морфологии, фонетики, семантики и словообразования.